

Ван Даху опустил голову, в душе ему тоже было нелегко.

Как бы плох ни был Ли Чангуй, он все же был отцом Цинжана. Своим планом он отправил его в психиатрическую больницу, что равносильно тому, что своими руками оторвал его от Цинжана. Хотя это было сделано ради его безопасности, в итоге это был еще один жестокий удар по его и без того израненной душе. Ранив того, кого он любил больше всего, как он мог чувствовать себя хорошо? Так время шло в печали и тревогах, незаметно пролетели еще три дня. В этот день Ван Даху только вернулся от Ли Цинжана, как увидел грузовик «Хунци», припаркованный у своего дома.

Его лицо изменилось, он невольно сглотнул. Постояв у двери минут двадцать, Ван Даху осторожно вошел в дом.

К его удивлению, Чжан Фан не приехала лично его ловить?

И еще —

Ван Даху водил глазами, скользя по лицам каждого.

Почему такая радостная атмосфера?

И в тот же миг он, кажется, о чем-то догадался, и глаза его вдруг ярко сверкнули.

— Папа!

Ван Даху сладко улыбнулся и бросился на своего родного отца:

— А почему мама не приехала?

Мощными крепкими руками он подбросил сына-медвежонка и прокрутил несколько раз. Ван Гуанцзун громко рассмеялся:

— Хуцзы, у тебя скоро будет сестренка!

Сестренка в этой жизни вряд ли появится, скорее братик.

Ван Даху убедился, что Чжан Фан беременна, и наконец-то облегченно выдохнул. Он очень боялся, что из-за его перерождения тот самый Ван Сяоху снова исчезнет.

— Сейчас только два месяца, как можно узнать, мальчик или девочка? По-моему, у Фань в этот раз точно будет мальчик!

Лицо бабушки сморщилось в улыбке, словно хризантема, выглядело она невероятно довольной.

— Кстати! Мама!

Ван Гуанцзун почесал свою большую голову и очень застенчиво сказал:

— Тот... врач из уездной больницы сказал, что плод у Фань лежит неправильно. Ей нужно хорошо отдохнуть, нельзя волноваться. Хуцзы нельзя пока оставить у вас, а мы заберем его обратно после того, как она родит.

— Хорошо! Хорошо!

Услышав это, бабушка обрадовалась еще больше:

— Ты оставайся дома и хорошо ухаживай за Фан, а Хуцзы мы присмотрим, гарантирую, ничего не случится.

Ван Гуанцзун, слушая это, кивал и благодарил, затем опустил голову и посмотрел на Ван Даху у себя на руках.

Кроме родителей, он больше всего чувствовал вину перед сыном. Раньше уже говорилось, что сейчас не те десятилетия, когда можно было рожать сколько захочешь. Ему с Чжан Фан было непросто без проблем родить второго ребёнка. Оставить Даху в родном доме по сути тоже было способом скрыться от ветра.

Ван Даху увидел выражение лица отца и понял, о чем тот думает, но сам он совершенно не против того, чтобы остаться в деревне. Точнее, это было как раз то, что ему нужно!

Ван Гуанцзун помнил о Чжан Фан, оставшейся дома, и хотел уехать после полудня. На этот раз он привез Ван Даху много одежды и его любимые лакомства. Яростно обняв сына, поцеловав два раза и тайком сунув ему пятьдесят юаней, он уехал на машине.

Решив дело, которое все это время беспокоило его, настроение Ван Даху, последнее время такое мрачное, наконец увидело проблески солнечного света.

А с улучшением настроения некоторые дела нужно было снова обсудить.

Сунь Дачжуан плакал очень горько, он чувствовал себя безмерно обиженным.

— У-у-у... Я ошибся, я действительно ошибся, Ху Е, отпусти меня!

— Теперь знаешь, что ошибся?

Ван Даху холодно усмехнулся, глядя на Сунь Дачжуана и компанию, которые все еще барахтались в яме с нечистотами:

— Когда издевались над другими, почему не видели жалости? Лицом, да! Хорошо потрите свои лица об навоз, посмотрите, что воняет сильнее — навоз или ваши рты?

Сегодня Ван Даху специально встал пораньше, чтобы перехватить здесь Сунь Дачжуана. И надо же, действительно перехватил! Увидев их, он не сказал ни слова, просто засучил рукава и наколотил им хорошенько, пока не превратил этих четырех падальщиков в свиные рыла, только тогда остановился!

— Брат Даху, Ху Е, Ху Лаобань...

Неизвестно откуда Сунь Дачжуан слышал эти слова, он плакал, и по лицу текла река из навоза:

— Мы ошиблись, правда ошиблись, больше никогда не будем обижать Ли Цинжана, будьте великодушны и простите нас в этот раз!

— У-у, папа, мама...

В этот момент эти дети изо всех сил издали воящие и воюющие звуки.

Ван Даху увидел, что они сильно напуганы, и только тогда удовлетворительно кивнул.

— Я вам говорю, если вы еще раз обидите Цинжана, это уже не решится простой взбучкой и поеданием дерьма! Слышали или нет?

— Да, да, да, больше не посмеем, больше не посмеем!

Ван Даху посмотрел на этих в беспорядке оглядывающихся людей, поднял уголки глаз и хмыкнул:

— А если у вас спросят, откуда эти раны, что нужно говорить?

Надо сказать, у Сунь Дачжуана реакция была быстрее всех, услышав это, он с рыданием поспешил сказать:

— Это мы сами шли неосторожно и упали в туалет!

Хм!

Ван Даху бросил на него взгляд «поддается обучению», затем строго прикрикнул:

— Завтра если услышу, что кто-то наябедничал своему старому отцу про маленького господина, то маленький господин будет бить при каждой встрече, понял?

— У-у-у... Да!

Похоже, «угроза» Ван Даху действительно подействовала, в действительности ни один ребёнок не осмелился сказать родителям, что только что его жестоко избили. В одно мгновение Ван Даху стал существом, которого никто в деревне Синье не смеет трогать.

— Брат Даху, не домой?

под одеялом тихо спросил Ли Цинжань.

— А?

Ван Даху в это время был в полудремоте, сонно пробормотал:

— Мама беременна, сказала мне пока пожить здесь какое-то время!

— ...Правда?

— Ага.

— Брат Даху.

— Что?

— ...Чуть холодно.

С ним действительно ничего не поделаешь. Ван Даху даже не открыл глаз, откинул одеяло, зевнул и сказал:

— Быстро иди сюда!

Двое прижались друг к другу, действительно стало очень тепло!

Ли Цинжань спокойно закрыл глаза и тихо уснул.

Время текло как вода, незаметно прошли еще пять-шесть месяцев, сезоны сменились, и уже не было суровой зимы, шаги лета пришли незаметно.

В этот день Ван Даху сказал Ли Цинжаню, который во дворе кормил кур рисом:

— Завтра нам с тобой съездим в уездный город!

Ли Цинжань замер, вопросительно моргнул глазами.

— Дурачок, ты забыл? Через два месяца нам с тобой уже пора в начальную школу, а рюкзак, бумага, карандаши и прочее еще не куплены!

Думая о том, что в таком возрасте ему снова придется проходить начальную школу, Ван Даху невольно начал страдать от головной боли.

А в отличие от его страданий, на лице Ли Цинжаня было выражение возбуждения и ожидания, словно для него возможность учиться была каким-то удивительным событием.

Ван Даху и Ли Цинжань никому ничего не сказали, и на следующее утро отправились в уезд на междугороднем автобусе.

Возможно, потому что он никогда раньше не уезжал далеко, Ли Цинжань казался немного беспокойным. Ван Даху сжал его маленькую ладошку, всю дорогу показывал за окно и без умолку болтал, что скоро поможет ему расслабиться, и на маленьком лице редко показалось радостное выражение. Ван Даху обрадовался и подумал, что привести его развеяться — это действительно правильно!

Ван Даху вел его, и они прямо направились в «Универмаг». Торговый центр находился на оживленной улице в центре уезда, можно сказать, это было одно из мест в уезде Наньхуа, где продавали все самое полное, поэтому поток людей был тоже огромен. Ван Даху с Ли Цинжанем были как две юркие рыбки, протискивающиеся в толпе.

Сначала они пошли на первый этаж, где продавали канцелярские товары, в больших стеклянных витринах одна за другой были разложены различные канцелярские принадлежности. Двое выбирали и выбирали, в итоге купили двадцать карандашей «Чжунхуа», четыре белых ластика, стопку тетрадей в клетку и тетрадей для арифметики, а также пенал, точилку, линейку и прочее.

— Тетя...

Ван Даху встал на цыпочки, с честным выражением лица указывая на полку за спиной продавщицы:

— А сколько стоит тот рюкзак?

— Пятьдесят пять юаней за один, если будешь покупать, тетя даст тебе скидку в пять юаней.

Ван Даху услышал и кивнул, затем повернул голову к Ли Цинжаню и спросил:

— Тебе нравится тот?

— Нет...

Услышав, что это стоит больше пятидесяти юаней, личико Ли Цинжання немного позеленело, он поспешно затряс головой.

<http://bllate.org/book/16441/1490711>